

Эмилия Кадетова

Посвящение малой родине

ВИТЬКИНЫ КАЛОШИ

«Тонет, тонет!..» – доносилось с речки на разные голоса. Весной в половодье, в середине дня два моих старших брата девяти и двенадцати лет – Толька и Витька – возвращались из школы домой. Оставалось перейти речку по запруде с мостом, пройти мимо водяной мельницы – и ты дома.

День выдался по-весеннему тёплым и солнечным. К реке пришли люди посмотреть на ледоход, а ещё больше – «поглазеть» на водопад, в деревне его ещё называли шумом. Говорили: «Пойдём, поглядим на шум». Сама река выглядела не очень приглядно – была мутной, с плывущими по ней щепками, палками, брёвнами, большими и малыми серыми льдинами. Из-под моста высотой пяти или семи метров (в детстве всё кажется большим и значительным), разбиваясь вдребезги, с грохотом падала вода, образуя пену, воронки и быстрое течение. Это место называлось омутом. Водная стихия, подобная экзотическому зверю в клетке, завораживала, восторгала и пугала. На воду смотрели с опаской. Под мостом молодые и смелые мужики как-то изловчались и устанавливали по бокам водопада сурпы (корчажки) – такие конусообразные, из ивовых веток сплетённые, рыболовные корзины длиной с метр.

В послевоенные сталинские годы, несмотря на тяжёлый и неоплачиваемый крестьянский труд (работали за трудовни, так называемые палочки), все жили дружно и даже весело, но очень бедно. Большое количество скотины в крестьянских дворах не являлось показателем достатка и благополучия. Деревня кормила город. Почти всё, что выращивалось и производилось собственными руками, безоговорочно отдавалось государству: мясо, молоко, масло, шерсть, яйца. Хозяину оставались «ножки да рожки». Деньги мало кто в руках держал. А вот рыба (да и другие дары природы) принадлежала всем – её варили, жарили, коптили, вялили, сушили.

Весной и осенью деревня была особенно непролазной – лошади с повозками, трактора, скотина – все месили грязь. Люди по улице и переулкам передвигались с трудом и большой осторожностью. Только свиньям жилось вольготно. Перерыв всю улицу вдоль и поперёк, они от удовольствия похрюкивали, валяясь в грязи. Позднее этих «пахарей» сельская власть запретила выпускать со двора, и тогда по улице стало можно ходить даже в хорошей обуви.

Витька и Толька шли раздетыми, в больших, не по размеру, перевязанными верёвочками резиновых калошах и с тряпичными школьными сумками через плечо. На детских ногах калоши смотрелись нелепо, но для деревенского глаза привычно – так все ходили. Детская обувь если и продавалась в местном магазине, то для многих она всё равно была недоступна. Взрослые и дети зимой ходили в валенках-самокатках, весной и осенью, и даже летом в кирзовых или резиновых сапогах, но самыми «ходовыми», на все случаи жизни, были резиновые калоши.

Подходя к реке, мальчишки увидели, что к мосту подплывает большая толстая льдина. Они тут же стали соображать, как её остановить, «а то она под мостом все сурпы сорвёт, которые папа с вечера установил». Толька нашёл длинную и тонкую палку, точнее, прут, а Витька большую и толстую. Тонкая палка спасла младшего, а толстая старшего подвела: пролетев мимо сурп, в одно мгновение он оказался посредине омута. На крыльце нашего дома, который стоял на берегу реки, мама и бабушка плели сурпы, когда с речки слышалось: «Тонет, тонет!..». Мама бросилась бежать к реке, а у бабушки от внезапного сообщения и от мысли, что «кто-то из наших ребятишек тонет», случился сердечный приступ, и мне, пятилетней, пришлось её отхаживать капельками валерианы.

Навстречу маме бежали мальчишки и наперебой кричали: «Ваш Витька тонет!!!». Без оглядки на реку, мимо тонущего Витьки, мама побежала в деревню к папе. До колхозной конторы, где он работал, было метров пятьсот, но они ей казались километрами. Время как будто одновременно сжималось и растягивалось, разрывая всё в груди...

Народ на берегу был в панике. Стараясь спасти мальчишку, двое молодых парней никак не могли, не хватало сил освободить, казалось, намертво закреплённую лодку у причала. Один из них даже разделся, вошёл в воду, но тут же выскочил, как ошпаренный. Посредине реки мелькала Витькина светловолосая голова, бурлящая вода крутила его, как щепку, и толкала вперёд по течению. Люди охали, ахали, но помочь ничем не могли.

Казалось, всё – утонул. Но тут Витька снова вынырнул, к счастью, рядом с бревном, за которое он и зацепился. В это время папа на берегу срывает металлический крепёж у лодки, прыгает в неё – взмах веслом, и он уже около Витьки. Затаскивая его в лодку мокрого, дрожащего и испуганного, он вдруг слышит: «Папа, я калоши утопил». И мальчик навзрыд заплакал. А папа: «Да хрен с этими калошами, сынок, главное – ты живой, ты живой...». На берегу ждали одеяло и сухие калоши. Местный фельдшер и народ сошлись в одном – лечить надо водкой. Дома так и сделали: сорокаградусной растёрли всё тело, дали выпить полстакана для «сугрева», завернули в одеяло и положили на горячие кирпичи русской печки. Никто не знал, чем всё закончится, но глубокий сон, ровное дыхание и румяные щёки подавали надежду на хороший исход. Он даже не простудился.

Сколько времени Витька провёл в ледяной воде, никто толком сказать не мог – пятнадцать, двадцать минут, больше, меньше – ручные часы в то время были роскошью. «Чудо какое-то, – говорили люди – ведь такая река могла проглотить в одно мгновение, а ещё хуже – поймать в сурпу, как рыбу». Но матушка-река Бокса (на берегу которой стояла и стоит моя любимая Дубровка), в то время полноводная и подвижная, в этот день, наверное, была доброй, в хорошем настроении. Двух неразумных в своей смелости мальчишек она пожалела и уберегла от большой беды. Ведь они для неё не чужие: растут на её берегах, играют, летом ловят рыбу, купаются, зимой катаются на санках.

Как только Витька оказался в её смертельно опасных водах, она не отправила мальчишку на дно, а наоборот, старалась удерживать на поверхности до тех пор, пока не подросла надёжная отцовская помощь.

Вечером этого дня, когда вся семья села за стол ужинать, Толька вдруг сказал: «А к нам сегодня ночью дедушка приходил». Родители и бабушка сошлись на том, что дедушку он видел во сне. Но Толька твердил: «Я не спал, это Витька спал. Дедушка был живой, у него была длинная борода, белая рубаша, подпоясанная верёвочкой. Он вошёл в дверь (хотя она была на крючке), подошёл к Витьке, наклонился и что-то шептал ему на ухо, а потом погладил меня по голове». Все притихли, а бабушка сказала: «Это Хозяин приходил, или Николай Угодник. Это он спас наших ребятишек».

Когда Витьку спрашивали: «Ну, Витя, расскажи, как ты калоши утопил», – он замолкал, отходил в сторону и тихо плакал. Тогда он ещё не умел отвечать на шутку шуткой – такое приходит с возрастом. Чтобы шутить над собой или отвечать на шутку, надо сначала втайне от всех научиться плакать. А он, может быть, после случившегося повзрослел: не калоши ему жалко, а себя, свою чудом сбережённую жизнь. Так что же в ту ночь посланник –Толькино видение – шептало Витьке на ухо? И кто это был? Может быть, Посланник реки, или Ангел-Хранитель, который пришёл предупредить мальчишку о предстоящей беде, которая случится с ним на следующий день, когда он попробует встать на пути бурной реки, и что завтра в школу ему надо пойти не в сапогах, а в калошах? Что, когда он окажется в ледяной воде, калоши слетят с его ног и не утянут на дно?

Конкретное событие и видение сошлись воедино. Тайное предшествовало явному и смогло в детском сердце зародить мысль о том, что нас кто-то хранит и оберегает, что этот кто-то есть у всех, только его надо научиться слышать.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Иные события в детстве, оказывается, чувствуешь, как взрослый, только ещё острее. С утра было туманно и «морозно», но в детстве любой день счастье, каким бы он ни был. Брат Толька, подружка Люба и я, как всегда, играли около дома, собирали дождевых червей – наживку для ловли рыбы: в такую погоду они сами выползали на поверхность земли. Внезапный ливень с грозным раскатистым громом и молниями во всё небо загнали нас в дом наших соседей. Это был и наш дом, но только одна его половина, другая принадлежала немцам с Поволжья, с которыми мы жили одной большой и дружной семьёй.

С утра родители ушли на покос, а нас, ребятишек-дошкольников, оставили на взрослую девочку Веру. В доме мы уселись втроём на сундук подальше от окна, притихли и стали смотреть, как Вера на железной плите готовит нам еду. Вдруг прямо перед ней, неизвестно откуда появился и завис, делая колебательные движения, небольшой красно-жёлтый, похожий на электрическую лампочку огненный шарик. Из любопытства мы повскакивали с сундука и стали разглядывать прилетевшую невидаль: удивление и неприятное ощущение во всём теле, словно я прикоснулась к прибору с неисправной электрической проводкой. Через несколько секунд живая лампочка исчезла.

В это время старший брат Витька возвращался домой от дяди Вани с нару-

бленным в деревянном корытце табаком-самосадам, папиным куревом. Сильный ливень застал его в нескольких шагах от ворот дома. Чтобы укрыться от него и не намочить табак, он прижался корытцем к углу дома и накрыл его собой. В ту же минуту рядом с ним раздались грохот и треск. От страха Витька ещё больше вжался в брёвна дома, а когда открыл глаза, то увидел, что деревянные ворота из столбов и досок разорвало в щепки, а на их месте образовалась ямка, из которой шёл густой пар.

К вечеру разведрило, мама с папой возвращались домой. Дорога из леса выходила прямо на наш дом, который видно было издалека. Подходя к деревенским огородам, их напугало скопление людей у нашего дома. Не стовариваясь, – откуда силы взялись, весь день косили, пешком прошли до покоса и обратно километров шесть – побежали, как им казалось, навстречу беде. Всё обошлось, но от случившегося они ещё долго не могли прийти в себя.

А люди допоздна не расходились по домам, всё дивились происходящему, а ещё больше благополучному его исходу. Для маленькой сибирской деревни, в то время живущей простой, без газет и радио жизнью, этот случай стал настоящей сенсацией. Шаровая молния и сейчас в любом месте стала бы событием. Учёные до сих пор до конца не разгадали природу этого явления. А тогда её загадочное, даже можно сказать «сознательное» поведение будоражило умы и не находило какого-либо объяснения. Маленькая шаровая молния с мощной энергией и большой разрушительной силой могла разрядиться где угодно (такие примеры есть), но в данном случае она это сделала «по уму» – вошла, куда ей, наверное, положено – в землю. Перед тем, как закончить свой «жизненный путь», она сначала залетела в дом через открытую печную трубу, «увидела» там детей и по каким-то своим соображениям двинулась дальше, в другую половину дома: прошла сквозь нижнюю раму окна, вышла на улицу и ушла в землю, разрушив только ворота. Поведение шаровой молнии напомнило потерпевшего катастрофу лётчика, который, зная, что погибнет, пытался увести свой самолёт подальше от всего живого.

Таинственное впечатляет больше, чем реальность, и никогда не покидает память. Страх перед грозой остался на всю жизнь, но вместе с ним и утешение: тепло земли в той самой ямке на месте разрушенных ворот, по которой мы с братом на другой день бегали босиком, грели ноги и по-детски радовались жизни.

ЖАЛОСТЬ

Одно из ярких воспоминаний моего детства: горящий дом, огромное жаркое пламя и много сочувствующих людей. Это случилось в моём селе холодным зимним вечером. Дядя Ваня Лебедок (Лебедев) по природе своей был хорошим, работающим, здоровым мужиком, но если напивался, то становился буйным. После очередной ссоры с женой Марусей поджёг недавно построенный им дом. Тушить не было смысла – вспыхнул, как спичка, и сгорел дотла. Говорят, облил бензином. На пожар сбежалось всё село с ведрами, баграми и лопатами, готовые спасать любой дом от пожара. Дядя Ваня был тут же, смо-

трел на пылающий ярким пламенем дом и пел: «Гори, гори, моя деревня, гори, мой дом родной...».

Отсидел какое-то количество лет в тюрьме, вернулся домой состарившимся, больным, смиренным: сын повзрослел, жена на кладбище. Там мы и встретились. Он признал меня по моим умершим родителям. Посидели, поговорили (ни слова о пожаре), помянули усопших, поплакали. Жалким дядю Ваню нельзя было назвать, но я почувствовала что-то близкое к жалости – нас, таких разных людей, объединяла скорбь и простое человеческое сочувствие друг к другу.

Когда уходят от нас в мир иной родные, близкие, знакомые, незнакомые, но известные по своим добрым делам люди, мы говорим: «Жалко, хороший был человек». Когда совершается что-то непоправимое – по молодости, глупости, пьянке, ревности, мы с горечью употребляем это же слово: «Жалко, вот дурак».

Приходишь к мысли: наверное, жалость является тем врождённым чувством, которое свойственно только нашей «загадочной русской душе», которое и есть тот самый ключ к её разгадке. Тут к месту согласиться с Максимом Горьким: «Что человек на Руси ни делает, всё равно его жалко».